Георгий Полянский

Последнее лето Рональда Рейгана

Георгий Полянский

Последнее лето Рональда Рейгана

https://litres.ru/74825369
SelfPub; 2026

Аннотация

Известие о смерти Рональда Рейгана возвращает рассказчика в лето 1982 года. Пока президент говорит о свободе в Вестминстере, шестилетний мальчик гостит у бабушки в Днепропетровске, лазает по шелковицам и ловит шмелей.

Ироничное эссе о том, как большая история входит в личную память, почему в ней появляется Гегель и почему порой достаточно одного шмеля, чтобы вспомнить всё и умереть счастливым.

Содержание

Гегель 8
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Георгий Полянский
Последнее лето Рональда Рейгана

Я очень, очень сильно люблю свою семью. У меня жена и два сына. Еще есть родные и близкие. Я их всех очень люблю. Эта любовь успокаивает меня и греет, когда я трясусь от страха и усталости, оказавшись в час пик в метро у края платформы; когда вижу в автобусе приближающегося контролера; когда не успеваю пообедать и поздно ухожу с работы; когда чувствую с тоской, что наставшие выходные не принесли ожидаемого облегчения; когда вспоминаю, что забыл поздравить с днём рождения друга; когда в присутствии красивой женщины говорю некрасивую глупость.

Но кроме жены и детей я люблю Гегеля. Я даже не скажу, что люблю его, кроме них. Я не хочу сравнивать. Также здесь не может быть никаких степеней любви. Просто в определенные моменты сознания я люблю жену и детей. А в другие моменты сознания — Гегеля. Значит ли это, что, когда я люблю Гегеля, я не люблю жену и детей? Думаю, что нет. Просто это момент сознания такой, что в нем присутствует только Гегель, и я его люблю, а жены и детей в этом моменте нет. Но если их в этом моменте нет — из этого нельзя сделать вывод о том, что я их не люблю, потому что именно в

этот момент сознания о них нельзя сделать вообще никакого вывода — потому что в этом моменте их нет. Есть только Гегель. Зато, когда появятся они и не будет его, я буду любить только их.

Я могу длить бесконечно свое сознание любви и при этом находить его разнообразным. Сначала думать о жене и детях, а потом о Гегеле. Подумав немного о Гегеле — опять начать думать о жене и детях и своей любви к ним. Гегель, моя жена и мои дети — возможно, они не подозревают о существовании друг друга. Но я их люблю — только в разные моменты сознания.

Гегелю я тоже нравлюсь. Бывало, он встанет передо мной, ушастик пушистый, склонит голову набок к левому плечу, будто с чем-то согласиться хочет, немного сузит веки глаз, блестящих, готовых вот-вот заслезиться, почешет лапкой серое пятнышко у пупка, всхлипнет, будто от радости, подойдет и уткнется розовым носиком в колено, обхватит его и так и застынет в этой позе. Я нежно почешу его между ушей, затем подниму, прижму к груди. И скажу доброе слово, какое-нибудь…

***

Гегель

Меня давно мучает вопрос: какое из восприятий, переживаемых моим сознанием в повседневной жизни, имеет значение, а какое — нет? Насколько важно для спасения души или интеллектуального развития созерцание, например, лестничной площадки своего подъезда, когда идешь на работу или возвращаешься с работы? Лиц случайных попутчиков в маршрутке? Если есть какие-то моменты моего сознания, когда я переживаю что-нибудь важное — узнаю что-нибудь новое, учусь чему-нибудь, восхищаюсь, что-то переживаю, — значит ли это, что все остальные моменты можно назвать промежуточными? И зависит ли важность воспринимаемого предмета от длительности его восприятия? Что и в каком смысле неважно для сознания? Состоит ли моя осмысленная жизнь из некоторых точек важности, соединенных между собой мостами, и смысл этих мостов только в том и есть, чтобы их побыстрее пройти? И когда я иду по таким мостам — может быть, я просто впустую трачу время? Окунаюсь в пропасть бессмысленности? Может быть, в этот момент природа мстит моей душе и отнимает у нее время жизни — то есть я превращаюсь в некое воспринимающее окружающий мир существо, но воспринимающее впустую — тупо, механически, из физической необходимости. И если бы время было чем-то вещественным и я из этого времени своей жизни взял

да вырезал эти промежуточные моменты полной пассивности души — то тогда я бы ровным счетом ничего не потерял?

Попробуйте провести эксперимент и мысленно вырезать из своей жизни все ненужное. Сколько времени у вас останется? Год? Месяц? День? Сколько бы ни осталось — будет мучительно мало. Да и стоит ли задумываться? Вдруг начнешь шевелить мозгами — а там даже и не мост над пропастью, а бесконечная Китайская стена: идешь по ней ниоткуда в никуда, и остановиться не можешь. Страшно.

И тут мне пришел на помощь Гегель. Я с ним познакомился в метро, на трезвую голову — тогда еще не было привычки хлебать пиво в вагоне. Абсолютный дух и его развитие. Что это такое? Это надежда на единство. Обещание спасения. Вера в высшую осмысленность. Я для себя представляю это как герменевтический круг. То есть если читаешь в книге какое-то предложение и совершенно не понимаешь его смысла, но потом, прочитав страницу целиком, вдруг понимаешь, что имелось в виду, то абсолютный дух — это как раз и есть такое понимание: тысячу, миллион раз в поле твоего зрения попадет лестничная площадка твоего дома, и ты не будешь понимать, для какой такой корысти это нужно. Зато потом — бац — и вдруг осенит, лет через семьдесят, и что это за прозрение будет, пока неизвестно, никому неизвестно, но оно всё равно будет, ему некуда деться, его не может не быть. Эта необратимость понимания — вот он, дух-то абсолютный. Если в него не веришь — развалишься на части,

как песочный человек, распадёшься на миллиард восприятий, ничем не связанных, будешь жертва скуки. А он есть — и ты цел.

Но это еще ладно, когда юзаешь Гегеля в целях личного спасения, собственного абсолютного единства — выстраиваешь, так сказать, жизнь сознания, состоящую только из точек, — и никаких тебе мостов. Зато какие мурашки начинают бегать по спине, когда этот самый Гегель всю историю человечества склеивает воедино, выворачивает наизнанку понимания время жизни всего мира — мол, смотрите, бестолочи, тут же всё связано.

Чем дольше я читаю философию истории Гегеля, тем больше прихожу к выводу, что это чтиво — наркотическое. Как марихуана. Ты оказываешься внутри понимания всего человечества — и не хочешь из этого нутра вылезать. Уж больно красиво. А каким языком написано! Все только и знают упрекать Гегеля в отвратительном умении писать непонятно. Жонглировать понятиями собственного приготовления. Рушить мозг. Нет! Эти лекции читал настоящий поэт! Их рисовал вдохновенный художник! Я бы даже сказал — рисковый адепт перформативного искусства. Чего стоит хотя бы эта фраза: «Дух, уничтожая телесную оболочку своего существования, не только переходит в другую телесную оболочку и не только в обновленном виде воскресает из пепла, в который обратилась его прежняя телесная форма, но он возникает из этого пепла, возвышаясь и преображаясь при

этом как более чистый дух». Для художественного сказа в этой фразе есть все: пренебрежение соображениями практического характера (никто не может знать, во что превращается дух, если он сгорел дотла), низкий поклон фантастике индусов (если не понимаешь, почему лестничная площадка твоего дома с такой настойчивостью рушит твой мозг, не бойсь, непонимание этого перейдет в мозг твоего сына как в другую телесную оболочку) и ее оригинальное жизнеутверждающее развитие, как музыкальная вариация — перерождение как прогресс (сначала дух был так себе — а потом более чистый, то есть сначала непонимание — а потом понимание). А эта фраза: «То, что я предварительно сказал и еще скажу, следует принимать и по отношению к нашей науке не за предпосылку, а за обзор целого, за результат того исследования, которым мы займемся, — за такой результат, который известен мне, потому что я уже знаю целое». Это мог сказать только художник рискующий, уверенный в том, что его замысел «прокатит». Ведь в переводе на более простой язык данная фраза звучала бы примерно так: «Если вам кажется, что данная книга представляет собой некое научное исследование, цель которого — изучить некие природные феномены и попытаться дать объяснение их поведению, — вы глубоко заблуждаетесь: я знаю лучше всех про все на свете и больше ничего исследовать не собираюсь — вам нужно только внимательно слушать, получать удовольствие, свободно откинувшись в креслах, и постепенно приходить к осознанию

того, как я прав».

Возможно, я с иронией все это пересказываю, но мое отношение к данной книге совершенно серьезно — я вижу в ней в первую очередь художественное произведение, в котором отчаянная нелепость высказываний продиктована не идиотизмом автора, а его смелостью как художника, готового взять каждое слово на свою личную ответственность, а не хвататься за какую-нибудь научную методологию как спасение от провала. Чтобы писать как Гегель, в общем, нужно было быть отчаянным смельчаком. Тем паче что поставленная цель (единство исторического процесса, тире, сознания человечества), к сожалению, не настолько мелкая вещь, чтобы над ней потешаться. Я в большей степени склонен иронизировать над русскими гегельянцами, например, над Аксаковым, поскольку, как мне кажется, непонимание в Гегеле его художественной натуры превратило их высказывания в обычную пародию: «Истинное царство бесконечного духа есть область искусства, Религии и Философии. Только там освобождается человек от случайности. (Эту истину примем мы за доказанную; подробное ее развитие будет в другом месте.)» Те же вопли «Верьте мне, я прав» — но выхваченные из уст другого актера.

Можно набрать в грудь воздуха и громко крикнуть: «Никакого абсолютного духа нет, это полная чушь» — если бы дело было только в «быть» или «не быть». Все дело в единстве, которого, кажется, нет — или оно еще не случилось —

и без которого не свершается в твоей жизни то, что называется смыслом или пониманием. Гегелю, скорее, можно поставить в упрёк то, что он, по сути, призывает расслабиться — поверить в то, что мосты соединяют берега, и выдает за свершившийся факт то, за что еще нужно побороться — точнее, за это нужно бороться постоянно, сражаться со случайностью как со скукой, прыгать с мостов, не разбиваясь о камни.

Попробуем же сразиться за единство человеческого сознания. Вкратце проблема формулируется следующим образом: что позволяет человеку осознавать себя здесь и сейчас именно тем, кем он был вчера и в совершенно другом месте? Отгадки пока нету. Вся надежда на нейрофизиологов. Вариантов было предложено великое множество. Вот некоторые из них:

1. Постоянно быть тем, кем ты есть, позволяет душа. То есть в нас есть некая субстанция, существование которой не зависит от физиологических изменений нашего тела. Память у нас есть благодаря органам чувств и способности мозга хранить наши восприятия в виде представлений. Умение мыслить возникло благодаря постоянной работе с этими представлениями. А вот единство воспринимающего и мыслящего субъекта дано само по себе и возможно только благодаря душе. Или душой и является. Именно душе мы обязаны появлением мышления как результата обработки получаемых душой восприятий.

2. Никакого единства нет. Восприятие себя именно тем, кем ты был вчера или минуту назад, — не более чем самообман, являющийся другим выражением инстинкта самосохранения. Есть только некая последовательность представлений, обрабатываемых определенным образом и сохраняемых на жестком диске мозга. «Я» — это не декларация наличия некоего субъекта, внутреннего человека, это всего лишь сообщение о том, что программа загружена и готова к действию или модификации.

3. Единство, безусловно, есть. И оно не является самообманом. Самообманом является предположение о том, что это единство индивидуально. «Я» — не есть голос некоего уникального субъекта. «Я» произносит не человек, а его природа, одинаковая для всех людей. «Я» и «Мы» — это одно и то же. Единство — это свойство природы сознания, механизм идентификации в группе самцов и самок.

4. Единство и индивидуальность не являются самообманом. Самосознание — не есть некий застывший механизм, подчиненный определенным законам физической природы либо данный Богом. Это случайный результат эволюции, находящийся в постоянном развитии, который не поддается описанию как некий физический объект. Этот объект ментальный. Единство тела и единство сознания не одно и то же. Поскольку на данный момент у нас есть только словарь, который описывает ментальные феномены так, как если бы они были физическими, попытки дать вразумительное объ-

яснение очевидному, но нефизическому феномену обречены на полный провал.

5. Единство сознания возможно благодаря неким физиологическим процессам, происходящим в человеческом мозгу и на данный момент не описанным. Оно является таким же эффектом, как свет является эффектом электричества. Причина ошибки в рассуждениях, представленных выше, не в том, что они пытаются описать ментальный объект как физический. Ошибка в том, что они пытаются описать феномен, данный субъективно, как объективный факт, что не соответствует наблюдаемой действительности. Сознание — единственная вещь во вселенной, данная субъективно, но при этом не подверженная сомнению.

Ценность вопроса о единстве сознания — другое выражение вопроса о ценности воспринимаемых феноменов, поступающих из внешней среды в наш мозг. Если сознание человека — не более чем программа, определенным образом реагирующая на сигналы, поступающие из внешней среды, то на самом деле никакого субъекта сознания не существует — по сути, мы утверждаем, что существует только набор частиц, атомов, упорядоченных сигналов. И всё. Другое дело — это противоречит данным субъективного опыта. Человек не хочет быть ни сгустком атомов, ни волной. Но попытки отстоять свое право на существование и при этом не выродиться в сгусток атомов пока не имеют достаточно доказательного научного дискурса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.